

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

- II Там же, т.50, с.325.
- I2 Там же, т.50, с.333.
- I3 Е.В.Голубинский, История канонизации святых в русской церкви, М.,1908, с.40.
- I4 大正新修大藏經 ,Токио, тт.1-85, 1960-64, т.50, с.330.
- I5 П.В.Знаменский, Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей ХУП века. -"Православное обозрение". 1882, февраль, с.300.
- I6 Подробнее об этом см.: A.Wright, op.cit.

А.М.Куликова

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И.П.МИНАЕВА НА ВОСТОК В ЕГО
ПЕРЕПИСКЕ С А.Н.ВЕСЕЛОВСКИМ

В рукописном наследии крупнейшего литературоведа А.Н.Веселовского (1838-1906) значительное место занимают эпистолярные материалы. Они насчитывают тысячи писем. Среди корреспондентов А.Н.Веселовского мы встречаем представителей разных отраслей востоковедения. Его переписка с выдающимся индологом Иваном Павловичем Минаевым (1840-1890) выделяется объемом и многообразием содержания. К настоящему времени удалось отыскать в ленинградских архивах 39 писем А.Н.Веселовского¹ и 34 письма И.П.Минаева.² Они охватывают период с 1871 по 1890 г. и представляют собой ценнейший источник не только для биографов обоих ученых, но и для историков, интересующихся развитием гуманитарных дисциплин, а также общественно-политической и научно-организационной жизнью Петербургского университета.

Из зарубежных поездок, отразившихся в этой переписке, для востоковедов особенно интересно первое путешествие И.П.Минаева на Восток в 1874-1875 гг. Эта поездка (вместе с двумя последующими в 1880 и 1885-1886 гг.) имела важное значение как для самого ученого, так и для развития индологии в целом. В 1874-1875 г.

И.П.Минаев посетил Индию, Цейлон и Непал. Собранный материал вошел в две работы И.П.Минаева: "Очерки Цейлона и Индии" (СПб., 1878) и "Индийские (!) сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году" (СПб., 1876).³

Письма, которые впервые вводятся в научный оборот, позволяют прикоснуться к истокам этих работ и проследить преобразование непосредственных впечатлений И.П.Минаева о культуре Востока в ее исследование. Из писем мы также узнаем о замыслах и научных интересах И.П.Минаева, о маршруте его поездок. Все это позволяет считать данные материалы самостоятельным источником по истории первой командировки русского ученого в Индию и в сопредельные с ней страны.

Подготовительный период был для И.П.Минаева "мучительным положением". В апреле-мае 1874 г. он жил в Москве и находился в "ужасном настроении духа", волнуясь, разрешат ли поездку и отпустят ли на нее средства. Временами ему казалось, что дело "окончательно расстраивается", так как уходят сроки и не видно конца неизвестности.⁴ Вопрос о финансировании командировки решался в Петербурге, где в интересах друга энергично действовал А.Н.Веселовский. Он ходатайствовал перед Советом университета, связывался с людьми, которые могли продвинуть дело, предлагал пути решения этой проблемы. В частности, он советовал И.П.Минаеву обратиться за поддержкой к К.П.Кауфману,⁵ приехавшему в Петербург. В этом случае путь в Индию проходил бы через Среднюю Азию (в письме — через "Бактрию"),⁶ и И.П.Минаев обязан был по дороге провести топографические съемки, необходимые местной администрации. Самого ученого привлекала возможность сбора в этом крае эпиграфических материалов, но пока он колебался, К.П.Кауфман уехал за границу.⁷

25 апреля А.Н.Веселовский извещал И.П.Минаева, что полученная сумма в 3.464 рубля, и, наконец, в мае (число не указано) он прислал долгожданное сообщение: "В канцелярии [университета — А.К.] получено Высочайшее повеление о командировании Вас на пять месяцев за границу. Поздравляя, Ваш Веселовский."⁸

Свое путешествие И.П.Минаев начал с кратковременного заезда в Англию. Здесь он пробыл около двух недель, посетив Лондон и Кембридж и достав около 30 рекомендательных писем. Надеясь на их "полезность", И.П.Минаев замечает: "Я еду в Индию теперь не как в лес, и надеюсь, что меня не будут принимать за шпиона".⁹

В первом письме из-за границы, написанном 22.VI.1874 г. на борту парохода "Mitzarog", И.П.Минаев сообщает о своих планах: "Я еду теперь в Цейлон и оттуда думаю пробраться в Рангун и Манда-лай. В Бирме мне обещали люди компетентные большую поживу. До сих пор там не путешествовал никто из занимающихся буддизмом и палийскою литературою. Мне предстоит представиться его бирманскому величеству."¹⁰ Следовательно, в 1874 г. И.П.Минаев надеялся получить доступ к бирманским рукописям, но недостаток средств и затруднения в местной администрацией помешали осуществить это намерение. Он посетил Бирму лишь во время третьей поездки на Восток в 1885-1886 гг.

Последующие восемь писем И.П.Минаева¹¹ относятся к периоду его пребывания на Востоке. В них содержатся интересные своей живостью и свежестью впечатления вдумчивого и любознательного наблюдателя об исторических памятниках, о встречах с людьми, об экзотических животных, об особенностях здешнего климата. 23.X.1874г., заехав на два дня в Коломбо, он спешит описать увиденное: "Я провел около двух месяцев в покинутых, забытых и развалившихся столицах Цейлона. Анурадхапура необыкновенное место. Климат ужасный. Три года там не было дождя; за воду плати рублицы, но зато какие развалины. Здесь точно жил другой народ, а не предки теперешних сингалезцев. Столько изящества в этих произведениях искусства: какая резьба по граниту, какая тонкая скульптура. И все это разбросано по лесу и попадаетея вам на каждом шагу... Теперь в Анурадхапуре всего 700 жителей (малабарцев преимущественно), а прежде до р.х., вероятно, были сотни тысяч. По моим сообщениям главные улицы тянулись на протяжении трех миль; сохранились кое-где фундаменты частных домов, и легко себе вообразить, среди какой обстановки и каких удобств жили люди в этой теперь сухой местности. В городе было множество искусственных озер, обложенных гранитными плитами, купален, с такими изящными лестницами, высеченными из гранита. Наибольшее количество развалин религиозного характера..."¹² Далее И.П.Минаев поехал в Мехинтале, Топаре, Дамбул, Матале, где также встретил много примечательного и описал "несколько весьма древних надписей", интересных для грамматики языка пали. Заканчивая свое описание, И.П.Минаев замечает: "Кругом меня все интересно, и я занят целый день."¹³

6.XI.1874 года из Канди, куда И.П.Минаев приехал из Курунегалы для кратковременного отдыха в "европейских условиях", он шлет романтический рассказ о жизни в глуши.¹⁴ В Дамбуле, когда он отправился смотреть монастырь в пещере "Золотой горы", И.П.Минаева застало начало сезона дождей.¹⁵

Дальнейший путь И.П.Минаева проходил через Бадунду, Бинтен, Галле. В начале 1875 года он пароходом прибыл в Калькутту. Здесь И.П.Минаев прожил до конца февраля. Он писал, что город "величественен": "широкие улицы, громадные дома, на улицах сильное движение и очень пестрая толпа".¹⁶ В это время его еще не покинула мысль съездить в Бирму, где он надеялся приобрести рукописи.¹⁷ С другой стороны, он хлопотал "о пропуске в Непал", надежда увидеть который придавала ему "удивительную бодрость", искал "гида-непальца: слугу или учителя" и опасался, что ему в Катманду не покажут "храмов, монастырей и книг".¹⁸ Маршрут последних месяцев пребывания И.П.Минаева на Востоке выглядел так: Калькутта-Бихар-Катманду-Бихар-Алмора.¹⁹ 25.II.1875 г. он сообщает, что "послезавтра едет в Непал".²⁰ 13 мая он пишет из Бенареса, что держит путь к западным границам Непала.²¹

В Алморе он провел почти все лето и отправил отсюда два письма. В первом из них - от 30 июня - он рассказывает о своих занятиях: "Я записываю и перевожу местные сказки здесь. Живу совершенно уединенно... У меня есть придворный певец... Бард поет мне ежедневно, за пять рупей и подарочек в месяц. В моем штате есть "шут" ...знаток всякого рода сказок. "Шут" жалования не получает, он работает почтучно. Современная народная литература необыкновенно богата, [песни], сказки очень поэтичны, некоторые сказки юмористичны. Во всем этом нет того условного, манерного, что иногда неприятно поражает в [некоторых] древних образцах индийской литературы. И мой певец, и мой "шут", оба безграмотны, книг в глаза не видели, и потому все, что ими рассказывается [представляет] также особенный интерес".²²

Во втором письме - от II августа - он пишет, что оставляет Алмору, где "набрал довольно" сказок и песен и приобрел несколько рукописей, и на днях едет в Лагор.²³ Последнее из найденных писем (сохранилась последняя страница) отправлено из Рампутана [1], где И.П.Минаева ожидала "большая пожива".

Попад в Индию и понимая, что "вероятно, не будет ни сил, ни возможности побывать здесь во второй раз",²⁵ И.П.Минаев, с од-

ной стороны, добивается продления срока командировки до января 1876 года,²⁶ с другой стороны — до предела уплотняет ее график, стремясь собрать побольше рукописей и фольклорных материалов. Все это, в конечном счете, требовало значительных денежных сумм. Поэтому во всех письмах И.П.Минаева А.Н.Веселовскому содержится просьба собрать и выслать деньги.

Среди других статей дохода, на которые рассчитывал И.П.Минаев (жалование, правительственные ассигнования, гонорары за статьи) — и публикация его путевого дневника. Первые "несколько листов" он выслал А.Н.Веселовскому в октябре 1874 года со следующим пояснением: "У меня готово продолжение, но, боюсь, что кроме Вас никто не станет читать моих мараши".²⁷ С этого времени в Петербург систематически отправлялись очередные главы дневника с неизменной просьбой "обратить их в деньги", то есть пристроить в какой-нибудь журнал.

Из ответных писем А.Н.Веселовского мы узнаем о его неоценимой помощи в решении вопроса о продолжении экспедиции. И хотя он отмечает "бессеребряные подвиги" в этом "деле" ряда лиц, добавляя, что сам он "действовал больше напоминанием",²⁸ не вызывает сомнения, что его активное вмешательство, его авторитет и связи обеспечили выделение дополнительной субсидии в две тысячи рублей и продление срока командировки. Особо следует подчеркнуть роль А.Н.Веселовского в организации издания путевых заметок И.П.Минаева. Получая из-за границы рукописи, А.Н.Веселовский редактировал их, "в качестве подневольного друга правил корректуру", привлекал к этой работе индолога К.А.Коссовича (1815—1883), поскольку его самого "смущали географические имена", вел переписку с редакциями²⁹, добивался издания частей дневника, набирал нужные суммы и посылал их другу, находящемуся "в тисках банкротства" в "той Индии богатой".³⁰

Переписка И.П.Минаева и А.Н.Веселовского заслуживает полного и скорейшего опубликования. Издание этих материалов станет вкладом в историю отечественной науки и культуры и впишет новую страницу в историю русско-индийских отношений.

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (далее РО ИРЛИ), ф.340, оп.2, ед.хр.14, л.1-68; Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф.39, оп.2, ед.хр.5, л.1-5.

2 РО ИРЛИ, ф.45, оп.3, ед.хр. 533, л.1-61. Пагинация листов отсутствует.

3 Первоначально обе работы появились в виде отдельных статей в "Журнале министерства народного просвещения" и в "Вестнике Европы". Рецензию А.Н.Веселовского на последнюю из приведенных работ см. Собр.соч. А.Н.Веселовского, т.ХVI, М.-Л., 1938, с.137-148.

4 РО ИРЛИ, ф.45, оп.3, ед.хр. 533, 19.IV, 1874 г., л.1-2; 4.IV. 1874г., л.1-2.

5 К.П.Кауфман - с 1867 г. командующий войсками Туркестанского округа.

6 Все географические названия приведены в транскрипции И.П.Минаева. Английские термины даны в русском переводе, в том виде, в котором они встречаются в работах И.П.Минаева.

7 РО ИРЛИ, ф.45, оп.3, ед.хр.533, 20.IV.1874 г., л.1; 4.V. 1874 г., л.1-2; там же, ф.340, оп.2, ед.хр.14, л.16, об., 20.

8 РО ИРЛИ, ф.340, оп.2, ед.хр.14, л.14, 16, 18, 20.

9 Там же, ф.45, оп.3, ед.хр.533, 22.VI.1874г., л.1-2.

10 Там же, л.1об.-2.

11 Сохранилась не вся переписка этого периода.

12 РО ИРЛИ, ф.45, оп.3, ед.хр.533, 23.X.1874г., л.1-2.

13 Там же, л.2.

14 Там же, 6.XI.I, 1874г., л.1-2.

15 Там же, л.2.

16 Там же, 12.I, 1875г., л.3.

17 Там же, л.1.

18 Там же, л.1об.-3; 25.II.1875 г., л.1.

19 Там же, 30.VI, 1875г., л.1об.

20 Там же, 25.II.1875г., л.1.

21 Там же, 13.V.1875г., л.1.

- 22 Там же, 30.УІ.1875г., л.1об.
- 23 Там же, ІІ.УШ, 1875г., л.1об.
- 24 Там же, б/д., л.І.
- 25 Там же, 30.УІ.1875г., л.2.
- 26 Там же, 23.Х.1874г., л.2-2об.
- 27 Там же, л.І.
- 28 Там же, ф.340, оп.2, ед.хр.14, л.32-32об.
- 29 См., например, его письмо члену редакции "Вестника Европы" А.Н.Пыпину - Отдел рукописей Гос.публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина, ф.621, оп.11, ед.хр.145, письмо № 10.
- 30 РО ИРЛИ, ф.340, оп.2, ед.хр.14, л.33об., 36 и др.

А.Г.Лундин

НОВЫЙ ТИП КАТАБАНСКИХ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ

Южноаравские посвяtitельные надписи очень многочисленны и составляют подавляющее большинство древнейеменских эпиграфических памятников. Особенно велика их роль в сабейской эпиграфике, где в I-III веках н.э. они почти полностью вытеснили все другие типы надписей, но и в других государствах древнего Йемена они играют чрезвычайно важную роль.

Посвяtitельные надписи древней Южной Аравии однотипны настолько, что они всегда строятся с одним глаголом $\text{h}^{\text{a}}\text{q}^{\text{u}}/\text{w}^{\text{a}}\text{q}^{\text{u}}$ в Саба^а, Катабане и Хадрамауте и синонимичным ему $\text{š}^{\text{a}}\text{l}^{\text{a}}$ в Ма^аине. Лишь изредка в Ма^аине встречается заимствованный сабейский глагол $\text{w}^{\text{a}}\text{q}^{\text{u}}$ (М.64, 83, 102 и т.д.), а ма^аинский $\text{š}^{\text{a}}\text{l}^{\text{a}}$ - в Катабане (Ja 868, 869) и в Хадрамауте ($\text{š}^{\text{a}}\text{l}^{\text{a}}$ -RES 4698).

На таком фоне особенно выделяется катабанская надпись RES 856, изданная еще Ж.Халеви и интерпретированная им как посвяtitельная¹. Впрочем, в этот период начальной интерпретации южноаравских надписей значение "посвяtitать" часто придавалось са-